

На следующее утро Сяо Циюнь был вызван по вызову главы ордена.

Полагая, что его ночные вылазки за рыбой в задней части горы были раскрыты, Сяо Циюнь всю дорогу дрожал от страха, но, прибыв на место, обнаружил, что Фэн Шуци созвал собрание лишь для того, чтобы заполнить квоту участников.

— Раз уж все тринадцать старейшин в сборе, давайте обсудим предстоящие через несколько дней межсектантские состязания, — мужчина лет сорока-пятидесяти, сложив руки в рукава, стоял рядом с Фэн Шуци. — По традиции, гора Чанцюэ должна отправить десять учеников. Есть ли у вас на примете подходящие кандидатуры?

— Что до меня, то мой старший ученик Чан Даосин — идеальный выбор, — произнесла женщина. Сяо Циюнь мельком взглянул на неё и тут же отвел взгляд.

Не знаю такую.

— Раз уж шестой старейшина так говорит, то у Хуа Шуан, естественно, тоже должно быть место в списке.

Сяо Циюнь проследил за звуком голоса и увидел мужчину лет тридцати.

Хм, этого я тоже не знаю.

В зале собраний было пятнадцать человек: тринадцать старейшин, глава ордена и еще какой-то безымянный человек рядом со старейшиной. Из всех них Сяо Циюнь знал только двоих.

Одного звали Фэн Шуци, другого — Янь Цзычэн.

Однако теперь, когда все эти люди перебивали друг друга, Сяо Циюню хотелось лишь поскорее сбежать отсюда.

Он с мольбой посмотрел на Фэн Шуци, сидевшего на главном месте, но тот по-прежнему оставался с бесстрастным выражением лица, молча наблюдая за спорами внизу.

Тц, похоже, быть главой ордена — не такая уж легкая задача.

Раз уж Фэн Шуци бездействовал, Сяо Циюнь послушно принялся играть роль стороннего наблюдателя, время от времени перебрасываясь фразами с системой: — Подумать только, даже бессмертные, ругаясь, засучивают рукава и бранятся, как рыночные торговки?

— Хозяин, разве сейчас тебя должно волновать не то, как взять с собой Жун Чжияюаня?

— Успеется. В крайнем случае, оглушу его, засуну в мешок для хранения и притащу на состязания.

К тому же, по сюжету оригинальной книги, у Жун Чжиюаня не было роли в межсектантских состязаниях. Даже если бы он расшибся в лепешку, вряд ли смог бы добиться для себя хоть какого-то участия.

В голове раздался брезгливый голос системы: — Засунуть человека в мешок для хранения... Хозяин, ты и вправду... хуже зверя.

— Благодарю за комплимент.

Подняв глаза, он заметил на столе тарелку с виноградом и небрежно отправил одну ягоду в рот, как вдруг столкнулся с парой знакомых глаз и невольно вздрогнул.

Вот черт, совсем забыл об этом.

Уголки губ Янь Цзычэна шевельнулись, и Сяо Циюнь по движению его губ прочитал четыре слова: не уходи потом.

Сяо Циюнь сделал вид, что ничего не заметил, и снова отвел взгляд, уставившись на тарелку с виноградом.

Остаться было невозможно, он же не дурак.

Спустя некоторое время, когда спор немного утих, Фэн Шуци наконец прочистил горло, и в зале мгновенно воцарилась тишина.

— Раз уж у каждого из старейшин есть свои кандидаты, давайте доверимся жребию Линъи.

Как только слова были произнесены, вошли тринадцать учеников, выстроились в два ряда перед тринадцатью старейшинами, и каждый держал в руках поднос с нефритовой табличкой.

— Пятеро из учеников, отправляющихся на состязания, будут выбраны из числа рекомендованных старейшинами, а еще пятеро — отобраны из числа общих учеников секты. Есть ли у кого-то возражения? — Голос Фэн Шуци звучал легко, но в нем ощущалось давление, которому невозможно было сопротивляться.

Они быстро написали имена своих кандидатов на табличках. Как только запись была завершена, чернила исчезли, а сами таблички переместились к Фэн Шуци.

Фэн Шуци наугад вытянул пять из тринадцати табличек, и с помощью духовной силы на них проявились имена. Остальные таблички послушно упали на стол.

Сяо Циюнь знал, что имени Жун Чжиюаня там точно не будет, поэтому не испытывал ожиданий. Сейчас он хотел лишь поскорее сбежать, чтобы не попасться Янь Цзычэну и снова не ввязаться в драку.

Человек рядом с Фэн Шуци не спеша подошел и зачитал имя: — Первый — Жун Чжиюань.

— Кто? — Услышав это имя, Сяо Циюнь вздрогнул, его зрачки сузились от шока. Он недоверчиво посмотрел на пять парящих в воздухе табличек, где четко проступали иероглифы Жун Чжиюань.

Да быть того не может, такое совпадение?

Всю дорогу от Фэн Шуци до своих покоев Сяо Циюнь никак не мог понять, почему сюжет изменился.

— Разве не говорили, что Жун Чжиюаня не будет? Почему он первый в списке?

— Хозяин, ты не думал, что это случилось потому, что ты сам изменил сюжет?

— Я?

Сяо Циюнь указал на себя пальцами и вдруг, словно что-то осознав, замер. Он понял: оригинальный владелец тела ни за что бы не написал имя Жун Чжиюаня на табличке!

Ну вот, переменной оказался он сам.

К тому времени, как он вернулся в Лицюэцзюй, наступил полдень.

Янь Цзычэна позвали разбираться с провинившимся учеником, поэтому он не смог заблокировать ему путь, и Сяо Циюнь, не теряя времени, бросился бежать.

Стояла невыносимая жара, даже дикие розы у дороги поникли под лучами солнца. Сяо Циюнь мечтал лишь поскорее вернуться и попросить Жун Чжиюаня заморозить для него арбуз, но, добравшись до Лицюэцзюй, обнаружил, что Жун Чжиюань под палящим солнцем упражняется с мечом во дворе. Гибкие движения юноши в сочетании с искусной техникой выглядели невероятно эстетично.

Сегодня всех старейшин вызвали на собрание, ученики отдыхали, кто бы мог подумать, что

Жун Чжиюань воспользуется этим, чтобы тайком тренироваться?

Действительно, фанатизм в чистом виде.

Сяо Циюнь скрестил руки на груди, не желая прерывать юношу, и встал в тени. Наблюдая за ним, он почувствовал, как у него чешутся руки, поэтому подхватил валявшийся в углу ржавый железный прут, обмотал один конец тряпкой и, крепко сжав его, совершил прыжок, вступая в бой с Жун Чжиюанем.

Увидев внезапно появившегося Сяо Циюня, Жун Чжиюань на мгновение замешкался, и тут же получил удар прутом по локтю. — Сосредоточься.

— Да.

Жун Чжиюань снова поднял меч, парируя выпады Сяо Циюня. Поначалу его движения были хаотичными, но спустя несколько десятков обменов ударами он начал обретать подобие техники. Сяо Циюнь невозмутимо направлял его, оттачивая движения юноши.

Техника меча Жун Чжиюаня, судя по всему, была собрана по кусочкам из того, что он подсмотрел у старейшин — никакой логики, лишь сносная отточенность. Но если через полмесяца на межсектантских состязаниях он встретится с Фэн Яолуо, который был во много раз сильнее, то наверняка проиграет.

Хлесткий удар — и железный прут снова пришелся по руке Жун Чжиюаня. Тот вскрикнул от боли, рука с мечом дрогнула, и Сяо Циюнь легким движением выбил оружие из его рук. Приставив прут к шее юноши, он увидел, что в глазах Жун Чжиюаня промелькнуло какое-то странное чувство.

Что это было за чувство, Сяо Циюнь не понимал, но оно казалось ему до боли знакомым.

— Учитель.

Сяо Циюнь убрал прут и, увидев, как Жун Чжиюань потирает ушибленную руку, небрежно спросил: — Больно?

— Нет, не больно, — Жун Чжиюань решил, что учитель разочарован его плохой техникой, и поспешно добавил: — Учитель бьет верно, это я бестолковый.

Жун Чжиюань был полностью покорен мастерством Сяо Циюня, и в его голосе зазвучало искреннее уважение.

Сяо Циюнь переспросил: — Бестолковый?

Жун Чжиюань был далек от этого слова. Всего за несколько приемов он успел перенять семь-восемь десятых мастерства Сяо Циюня. С таким талантом — и бестолковый?

— Давай я научу тебя набору приемов.

После случившегося стало ясно, что Жун Чжиюань обязан поехать на состязания. Согласно законам жанра, Жун Чжиюань, будучи злодеем, непременно встретится там с Фэн Яолуо.

Жун Чжиюань начал свой путь поздно, поэтому в поединке ему придется несладко. Если он не может превзойти соперника в культивации, то почему бы не использовать хитрость в технике меча?

Жун Чжиюань недоверчиво переспросил: — Учитель, вы сказали...?

Столько лет учитель вообще не обращал на него внимания, а теперь... хочет научить его приемам?

Заметив сомнение в глазах ученика, Сяо Циюнь понял, что тот не верит в его мастерство: — Хотя я много лет не брался за меч, я учился у того же мастера, что и глава ордена. Если не веришь — как хочешь.

В конце концов, я же обучал главного героя, по канонам романов это делает меня мастером, скрывающимся от мира, разве нет?

Жун Чжиюань затряс головой: — Нет, нет, учитель, я хочу учиться.

Не успел он закончить фразу, как Сяо Циюнь, покручивая прут, показал серию движений. Жун Чжиюань наблюдал за ним, не смея даже моргнуть, боясь упустить хоть малейшую деталь.

Сяо Циюнь закончил демонстрацию, а Жун Чжиюань все еще пребывал в оцепенении. Сяо Циюнь воткнул железный прут в землю и помахал рукой перед лицом ученика: — Чжиюань?

— А, учитель! — Жун Чжиюань очнулся. Сяо Циюнь спросил его: — Сколько из этой связки ты запомнил?

— Учитель... я запомнил примерно восемь-девять десятых.

— Этого достаточно, — внешне Сяо Циюнь оставался невозмутимым, хотя внутри ему хотелось ругаться.

Я сам учил эту технику целых три месяца, почему Жун Чжиюань запомнил восемьдесят-

девяносто процентов с первого раза?..

Где справедливость?!

С таким нимбом, точно ли он не главный герой?

Внутренне кипя от негодования, Сяо Циюнь спокойно продолжил: — Раз уж ты запомнил почти всё, сколько времени тебе понадобится, чтобы на этой основе придумать способ противодействия?

— Учитель, я не понимаю, что вы имеете в виду, — Жун Чжиюань был ошарашен требованием Сяо Циюня.

— Что это значит — тебе предстоит осознать самому. Даю тебе пять дней. Через пять дней я хочу увидеть результат.

Не мог же он прямо сказать Жун Чжиюаню, что этот прием предназначен для того, чтобы сразиться с главным героем?

Шутите? Они же даже не знакомы!

Сяо Циюнь тихо вздохнул, похлопал Жун Чжиюаня по плечу и направился в свою комнату.

Боже, как жарко, спасите, я сейчас расплавлюсь.

Неужели Жун Чжиюань совсем не боится солнца?

Тем временем Жун Чжиюань, глядя вслед уходящему Сяо Циюню, почувствовал легкую грусть.

Неужели я разочаровал учителя?

Нынешний характер учителя совсем не похож на прежний, даже культивация и мастерство меча на высшем уровне.

В его сознании мелькнула мысль.

Может быть, все те прошлые годы были испытанием учителя, чтобы проверить его упорство? И теперь, когда испытание окончено, учитель решил обучить его настоящему мастерству?

Неужели учитель, будучи старейшиной, ради его закалки не побоялся годами портить свою

репутацию?

А я ведь так думал об учителе... Это действительно недопустимо.

Чем больше Жун Чжиюань размышлял, тем логичнее казалась эта мысль, и тем больше он корил себя за недоверие к учителю.

Ушибленное место на руке больше не болело. Он снова поднял меч, вспоминая продемонстрированные учителем движения, и начал тренироваться, пытаясь найти способ противодействия.

В этот раз он точно не должен разочаровать учителя.

<http://bllate.org/book/18837/1834933>